

Е.В. Пучкова (г. Калуга)

РОЛЬ МОДАЛЬНОСТИ В ОРГАНИЗАЦИИ ВРЕМЕННОГО СТРАТУМА
ТЕКСТА: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ И СМЫСЛОВОЙ АСПЕКТЫ

Значения модальные тесно переплетены со значениями временными и видовыми. В данном случае речь идет о типизированных и зафиксированных языком смыслах осознания временной перспективы, например, в видо-временной системе глагола (временные значения). С другой стороны, в качестве объекта научного рассмотрения выступают смыслы-способы преобразования мира в тексте и мира реального в виде задаваемых координат упорядоченного изменения этих реальностей. Такие смыслы-способы носят универсальный характер и распространяются по всем уровням категоризирующей их языковой системы (модальные значения). При этом целью настоящей статьи является вычленение и описание области соприкосновения двух указанных типов языковых значений.

Рассмотрим некоторые частные случаи взаимодействия языковой фиксации временных и модальных смыслов в конкретных языках. Так, в английском языке исторически модальные глаголы вычленились из группы претерито-презентных глаголов. Характерной чертой таких глаголов было переосмысление значения формы прошедшего времени, которая стала использоваться в группе претерито-презентных глаголов для выражения отношений настоящего. Такой временной сдвиг повторился и в новоанглийском периоде (*āgan* – иметь; *owe* – форма прошедшего времени, перешедшая в разряд настоящих форм; *ought* – вновь образованная форма прошедшего времени и ставшая формой настоящего времени; тоже: *sceal* – должен; *shall* – *should*). Следует особо подчеркнуть, что претерито-презентные глаголы имели общее свойство указывать на сохранение результата прошедшего действия в настоящем [6: 358–359; 5: 146–147]. Очевидно, что претерито-презентные, в последствии модальные, глаголы эксплицировали невозможность разделения настоящего и прошедшего, что также было отражено в значении древнегерманского результативного вида – прародителя перфектной формы в английском языке, в котором этот результат мог остаться в прошлом или продолжиться в настоящем, соединяя прошлое и настоящее в единое целое [6: 40]. Помимо того, двойной переход из прошедшего в настоящее свидетельствует о метафорической маркированности такого переосмысления значений форм, которое, также как и в случае возникновения у метафоры третьего плана содержания в результате рефлексивного скачка [подробнее см.: 7: 31–32], сопровождается возникновением качественно нового единства содержательных характеристик взаимодействующих временных планов настоящего и прошедшего, поскольку общечеловеческий смысл

«ощущение неразделимости времени» с помощью категоризации закрепился и актуализировался в языковых модальных значениях, образующих основу языкового времени.

На материале русского языка, как и в английском языке, подтверждается тесная связь глагольных категорий вида и времени. В работе В.В. Мартынова отношение между оппозицией совершенного/несовершенного вида с одной стороны и прошедшего – настоящего – будущего с другой стороны представляется как поочередное перекрывание форм времени формами вида. С каждым временем неразрывно связаны видовые характеристики на основе противопоставления «зачинательного» и «завершательного» способа действия, так как в любом из трех временных пластов каждое действие, независимо от его длительности или мгновенности, будет иметь свое начало и свой конец. Кроме того, в соотносительном противопоставлении форм времени предлагается ограничиться оппозицией прошедшее/непрошедшее, последнее объединяет формы настоящего и будущего времен [8: 127–129]. Действительно, формы настоящего используются для обозначения будущих действий едва ли не чаще, чем формы собственно будущего времени не только в русском, но и в английском языке (ср. использование глаголов несовершенного вида в русском и форм Present Indefinite, Present Continuous и оборота to be going to в английском). Однако в этой связи вызывает сомнение вышеупомянутое временное деление реального времени на прошедшее и непрошедшее. По замечанию самого автора «совершенный вид прошедшего времени ... переносится в настоящее» [8: 128], т.е. в непрошедшее. Это ещё раз подтверждает, условность языкового, а следовательно, и бытового деления времени на настоящее, прошедшее и будущее. Представление о времени как о целостности сконденсировано в вышеупомянутом наиболее общем смысле «ощущение неделимости времени». Категоризация этого смысла связана с существованием особого рода модальных смыслов-организаторов временного стратума внутри текста как соединения человеческого и языкового.

Связь модальности с временными формами или, точнее, зависимость временных форм от модальности подтверждается исследованиями системы временных форм французского глагола у Э. Бенвениста. По мнению исследователя совершенные сложные формы (parfait de present, d'imparfait, d'aorist, de futur), соотносимые с соответствующими простыми формами в синтагматике (на примере сложных предложений с придаточными времени), одновременно им противопоставлены в двух планах высказывания – историческом плане и плане речи [подробнее см: 3: 270–284]. Не вдаваясь в оспаривание возможности такого членения сферы употребления языка, нельзя не выделить свойство субъективности перфекта и возможность его отнесения к широкому спектру модальных

средств организации высказывания. Действительно, по сравнению с формой аориста – *passé défini* (il fit), которая представляет событие как факт в прошлом, не имеющий связи с настоящим, форма перфекта (il a fait) подчеркивает эту связь, соединяя прошедшее событие с субъектом речи, находящимся в настоящем. Это подчеркивание субъективности с помощью глагольной формы имеет огромный герменевтический потенциал. Так, Э. Бенвенист указывает на закрепленность форм аориста, причем только третьего лица единственного и множественного числа, за «объективным» историческим повествованием. Однако он также упоминает роман Альбера Камю «Посторонний» (*L'Etranger*), в котором повествование о прошедших событиях ведется преимущественно в формах перфекта, что делает это произведение, по мнению Э. Бенвениста, попыткой выставить напоказ собственное «я», свое субъективное восприятие каждой из описываемых ситуаций [3: 278].

Необходимо заметить, что современник Камю Жан-Поль Сартр трактовал потенциал перфекта у Камю в ином разрезе. Философ Сартр указывает, что каждое действие, оформленное перфектом, изолировано от всех других, обособлено, самодостаточно. Такой способ построения повествования в виде «отдельных островков» является выражением представления Камю о дискретности времени, внутренней замкнутости каждого момента, из множества которых состоит вся ткань времени. [11].

Несомненно сильная в плане аргументации трактовка смысловой сущности перфектной формы у Ж.-П. Сартра в собственно лингвистическом, а следовательно и в герменевтическом аспекте, представляется неполной. Рассмотрим наиболее часто цитируемый отрывок из романа:

«Ce matin, Marie est restée et je lui ai dit que nous déjeunerions ensemble. Je suis descendu pour acheter de la viande. En remontant, j'ai entendu une voix de femme dans la chambre de Raymond. Un peu après le vieux Salamano a grondé son chien, nous avons entendu un bruit de semelles et de griffes sur les marches en bois de l'escalier et puis: "Salaud, charogne", ils sortis dans la rue. J'ai raconté à Marie l'histoire du vieux et elle a ri. Elle avait un de mes pyjamas dont elle avait retroussé les manches. Quand elle a ri, j'ai eu encore envie d'elle. Un moment après, elle m'a demandé si je l'aimais. Je lui répondu que cela ne voulait rien dire, mais qu'il me semblait que non. Elle a eu l'air triste. Mais en préparant le déjeuner, et à propos de rien, elle a encore ri de telle façon que je l'embrassée. C'est à ce moment que les bruits d'une dispute ont éclaté chez Raymond» (A. Camus "L'Etranger" pp. 58-59).

Наряду с привычными для повествования, по мнению Э. Бенвениста (см. ниже), формами простого прошедшего, плюсквамперфекта и проспектива в 10 предложениях абзаца 17 раз употребляется форма перфекта настоящего. Существенно, также, что рассказ ведется от первого

лица, что указывает на стремление автора соединить себя со своим героем, выдавая свои мысли за убеждения персонажа или, возможно, наоборот. Камю сочувствует своему герою, и то, как поступает последний в предложенных обстоятельствах можно считать желаемым способом поведения и для автора. Действительно у Альбера Камю и Мерсо устройство человеческого бытия не вызывало восторга. Но Камю никого не убивал, а Мерсо убил, да ещё и не за что, поддавшись сиюминутному импульсу. Поступок – достойный осуждения в привычном обществе, но для Камю его оценка не столь однозначна, поскольку сам он не может предложить альтернативы социальному бунту своего героя. Используя формы настоящего перфекта автор связывает прошедшие события жизни Мерсо со своими переживаниями на момент написания романа. Восстанавливается временная и личностная ситуация мышления автора. Используемые формы настоящего перфекта модальны, поскольку служат переустройству мира в рамках текста романа. Здесь следует подчеркнуть, что в глобальном смысле связанными оказываются и временные пласты настоящего и прошедшего, граница между которыми стирается. Поэтому утверждение Сартра о выражении с помощью форм перфекта обязательной расчлененности времени представляется недостаточно продуманным.

Свойство размытости границ присуще не только оппозиции настоящее – прошедшее. То же будет верно относительно настоящего и будущего. Так, в предложении *I will allow you to go for a walk only after you've cleaned up the mess* связанная форма перфекта помещена в план будущего, соединяя его с настоящим и, косвенно, с прошедшим, так как основное значение формы Present Perfect – завершенность действия в прошлом и его связь с ситуацией в настоящем.

Все сказанное подтверждает выдвинутое выше положение о нечленности времени и непосредственной связи языкового осознания этого факта с системой модальных значений – наиболее упорядоченных привычных модальных смыслов. В упомянутой выше работе Эмиля Бенвениста все глагольные временные формы разделены на два класса: *объективные* «исторические» формы (аорист, имперфект, плюсквамперфект, проспектив – субститут будущего времени для объективного повествования о прошедших событиях) и *субъективные* «речевые» формы во главе с перфектом настоящего времени [3: 270–284]. Такое разбиение временных форм соотносится с делением модальности на объективную и субъективную. Хотя правомерность такого разграничения вызывает серьезные сомнения из-за однородности набора языковых средств, используемых для языковой экспликации того и другого типа модальности, а также из-за перекрывания объективной модальности категорией предикативности. Деление языковых и модальных форм с доминантой объективности или субъективности отображает

общечеловеческое желание структурировать сложные явления собственной жизни в языке. Нужно также отметить, что в указанном разделении временных форм модальность, прежде всего, приписывается речевым, субъективным формам (Ср. использование *parfait de futur* как случай инкорпорирования модальности в диктум [подробнее см.: 2: 220]). Показательно, что для построения и временной (у Э. Бенвениста), и модальной иерархии форм был избран один и тот же принцип. Это позволяет говорить об исходной необходимости выражения модальности с помощью морфологической глагольной категории времени не только во французском языке. Логично предположить, что само ощущение времени у человека связано с противопоставлением реального и ирреального, фактического и мыслимого, объективного и субъективного. Модальность является источником понятийной основы языкового времени, что подтверждается и происхождением модальных форм в английском языке, и использованием сложных субъективно-модальных форм перфекта для поддержания целостности смыслового плана трех временных пластов.

Несомненно, указанные свойства времявыражения проявляются лишь в синтагматике. Следовательно, необходимо рассматривать время не только как параметр человеческого бытия или морфологическую категорию языка с ярко выраженной модальной основой, но и оценить возможности организации временного пространства в тексте, где грамматические конструкции, наполняясь конкретным лексическим материалом, объединяются с целью опредмечивания смысла. При этом необходимо выявить организующие модальные компоненты, если таковые имеются, и определить их роль в формировании временного континуума текста как в содержательном, так и в смысловом аспекте.

Доминирующим в настоящее время в традиционной науке взглядом на специфику времени художественного текста (именно такой текст, по нашему мнению, способен наиболее полно передать все богатство сходных с реальными временных отношений) является представление об одновременной неразделимости и необратимости течения времени (объективное время) и его дискретности (субъективное время) и их соединении в ткани художественного текста [1: 192–203]. С одной стороны текст стремится передать реальное время в виде луча, направленного из прошлого, через настоящее, в будущее. С другой стороны, писатель может «растягивать» и «сжимать» события во времени с целью их выделения или, наоборот, отодвижения на второй план, может менять естественный ход событий, возвращаясь к описанию прошлых происшествий или обращаясь к технике «взгляд в будущее» [там же: 195].

Ранее было сказано, что общечеловеческий смысл «ощущение неразделимости времени» с помощью категоризации закрепился и актуализировался в языковых модальных значениях, образующих основу языкового времени. Верно ли указанное утверждение относительно текста?

Естественно, что автор, живущий в реальном мире, в большинстве случаев желает отобразить свойства реального человеческого времени, чтобы его произведение было близким для читателя. Ю.С. Степанов говорит об одновременной линейности, цикличности и разом данности как об основных параметрах характеристики реального времени [12: 124]. С нашей точки зрения, особенно интересным представляется последний параметр, так как в нем отражена возможность единства восприятия прошлого, настоящего и будущего, которые даны человеку одновременно.

Время художественного текста может иметь видовые различия, снова связанные с традиционным пониманием модальности. Так, А.Ф. Папина говорит о реальном (передающим основные временные закономерности действительности) и ирреальном типах организации временного пространства текста. При этом ирреальное время может и не отрицать времени реального, а может и противоречить ему [9: 199]. То же можно сказать и о категории глагольного наклонения, в основе разграничения видов которого лежит способ представления события. Однако между реальным и ирреальным художественным временем невозможно установить четкую границу и выявить специфический набор морфологических черт, свойственных только одному из них, поскольку и при использовании реальных и ирреальных временных координат во временной каркас будут включены одни и те же грамматические формы. Противоречиво также разделение реального художественного времени на объективное и субъективное [Там же: 168-197]. В основе такого разбиения лежит противопоставленность личных форм глагола по числу: 3-е лицо для объективного времени, 1-е лицо для субъективного времени. Но субъективность интерпретации событий присутствует в тексте всегда, безотносительно к тому ведется ли оно от первого лица или нет, так как это видение отдельного субъекта – автора текста. Не говоря уже о том, что различия грамматических глагольных форм по числу актуально не для всех языков.

Вопрос о дискретности/целостности осознания времени в художественном тексте также остается спорным. Следующий отрывок из трагедии А.С. Пушкина «Каменный гость» представляется весьма показательным в аспекте выявления модальной основы соотношения временных форм в тексте:

*Всё к лучшему: нечаянно убив
Дон Карлоса, отшельником смиренным
Я скрылся здесь – и вижу каждый день
Мою прелестную вдову, и ею –
Мне кажется, замечен. До сих пор
Чинились мы друг с другом; но сегодня
Впускаю в разговоры с ней; пора.*

*С чего начну? «Осмелюсь» ... или нет:
«Сеньора» ... ба! Что в голову придет,
То и скажу, без предуготовленья,
Импровизатором любовной песни ...
Пора б уж ей приехать. Без неё –
Я думаю – скучает командор.
Каким он здесь представлен исполином!
Какие плечи! Что за геркулес! ...
А сам покойник мал был и тщедушен,
Здесь, став на цыпочки, не мог бы руку
До своего он носу дотянуть.
Когда за Эскурьялом мы сошлись,
Наткнулся мне на шпагу он и замер,
Как на булавке стрекоза – а был
Он горд и смел – и дух имел суровый ...
А! вот она.*

В этом монологе Дона Гуана перемешаны формы прошедшего (убив, скрылся, замечен, чинились, представлен, был мал, сошлись, наткнулся, замер, был горд и смел, дух имел), настоящего (вижу, думаю, скучает) и будущего (впущуся, осмелюсь, придет, скажу). Соединение форм всех трех времен подчеркивает важность прошедших и будущих событий в настоящем душевном состоянии героя. Смерть командора напрямую связана с надеждами его убийцы на будущее, которые он проговаривает в условный момент времени настоящего, фиксируемого автором. Следовательно, все три временных плана оказываются слитыми в единое целое и данными в тексте одновременно. Важно также, что имперфектные прошедшие формы (был, чинились, имел) выступают в нетипичной для них роли указателей предшествования. Так, Дон Карлос был мал и тщедушен до того, как Дон Гуан не убил его и он не превратился в памятник – высокий, мужественный, значительный; покойный имел суровый дух пока, снова, не умер (замер), пронзенный шпагой, а Гуан и Анна «чинились» - соблюдали приличия до тех пор, пока усилия поклонника не были «замечены». Таким образом, содержательный аспект (грамматическое значение в пропозициональной структуре) и смысловой аспект (выводимый смысл) интерпретации форм оказываются противопоставлены друг другу. Такая транспозиция значений форм возможна благодаря организующей силе множественной модальной партитуры текста, которая предстает как одновременно дискретная и целостная [10: 66]. Рефлективное действие в её рамках характеризуется скачкообразными переходами от одного модального кластера к другому, что обеспечивает вариативность при

распредмечивании смысла, свернутого в рамках указанных временных форм.

Во всех упомянутых выше работах время в тексте рассматривается только с позиции реализации интенции автора, а не во взаимозависимости «рефлексивная интенция автора плюс рефлексивная интенция читателя». Термин рефлексивная интенция в данном случае выражает противопоставление интенции дискурсивной, т.е. реализации собственных намерений в коммуникации. В данном случае имеется в виду обращение рефлексии на определенные области наличного опыта при распредмечивании свернутых с помощью текстовых средств смыслов [4: 40].

Общий смысл неделимости времени обретает свои содержательные корреляты при построении пропозиций, что имеет свое отражение в формировании языковых пропозитивных схем. Например, как было указано выше, когда между грамматическими значениями перфекта и имперфекта нет четких границ. Смысл «неделимое время» опредмечивается в таких типических содержательных связях и высвобождается, распредмечивается в ходе освоения текста реципиентом. Текст – это всегда высказывание, помещаемое в деятельности его понимания читателем в ситуацию собственного бытия и несущее в себе ситуацию мыследействия автора. При таком свертывании-развертывании временных компонентов этой ситуации её составляют а) созданные автором временные ориентиры текста в виде способов построения временного повествования (ретроспекция/проспекция, мгновенность/длительность, дискретность/единство); б) ситуация осознания времени текста в его соотношении с собственными переживаниями времени у читателя. При понимании временной strony смысловой ткани текста на периферии духа реципиента возникают специфические нозмы как особые «интенциональные сущности» [4: 40], соединяющие и модифицирующие рефлексивную интенцию автора и рефлексивную интенцию читателя. В итоге образуется сложный блок конфигуративных связей, образующий временной стратум текста. Модальность играет определяющую, координирующую роль в этом процессе, так как формируемые в ходе этого процесса временные нозмы как минимальные единицы содержания и смысла будут соединены со специфическим модальным квантором – смыслом-модализацией и включены в виде модально-временного кластера в общую модальную партитуру текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа. – М: Академический проспект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. – 464 с.

2. Балли Ш. Синтаксис эксплицитной модальности // Язык и жизнь: Пер. с фр./Вступ. статья В.Г. Гака. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 252 с.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 448 с.
4. Богин Г. И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. – Тверь, 2001. – http://pall.hoha.ru/learn/bogin_bible/0.htm
5. Иванова И.П., Чахоян Л.П. История английского языка. – М.: Высшая школа, 1976. – 319 с.
6. Ильиш Б.А. История английского языка. – М.: Высшая школа, 1968. – 419 с.
7. Крюкова Н.Ф. Метафоризация и метафоричность как параметры рефлексивного действия при продукции и рецепции текста. Дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 2001. – 275 с.
8. Мартынов В.В. Категории языка. – М.: Наука, 1982. – 192 с.
9. Папина А.Ф. Текст: его единицы и глобальные категории. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 368 с.
10. Пучкова Е.В. Языковая модальность в герменевтической научной парадигме. Монография. – Калуга: «Наша Полиграфия», 2009. – 88 с.
11. Сартр Ж.-П. Объяснение «Постороннего» Пер.с фр. Л. Андреева и Г. Косикова. – www.w3.org/1999/xhtml
12. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. - М.: Академический проект, 2001. - 990 с.

Е.В. Рыжикова (Тверь)

ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПРОМЕЖУТОЧНЫХ ЖАНРОВ

Теория литературы изобилует проблемами, точка в исследовании которых не поставлена и по сей день. Среди них без колебаний можно выделить вопрос классификации и систематизации жанров. Известно, что было предпринято немало попыток создать классификацию жанров литературы по разным принципам: проза и поэзия, эпика и лирика, комедия, трагедия, драма и т.д. И это неудивительно: литература это нечто живое, постоянно и динамично развивающееся. В процессе исторического развития жанры постоянно видоизменяются, некоторые из них приобретают новые свойства, некоторые умирают, оставаясь существовать лишь как памятники, характеризующие свою литературную эпоху.

Однако в данной статье речь пойдет не об этом. Мы не ставим перед собой задачу упорядочить известные литературе жанры, поскольку, с